

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Ланко

**Модернизация
в эпоху модерна:
развитие Финляндии
в 1920–1930-е годы**

Препринт М-80/20

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2020

Л 22 **Ланко Д. А.**

Модернизация в эпоху модерна: развитие Финляндии в 1920–1930-е годы / Дмитрий Ланко : Препринт М-80/20. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 46 с. — (Серия прerinтов; М-80/20; Центр исследований модернизации).

В докладе рассматривается модернизация Финляндской Республики после провозглашения независимости и гражданской войны и вплоть до окончания Второй мировой войны. Автор приходит к выводу, что основным успехом финляндской модернизации в 1920–1930-е годы стало сохранение и консолидация демократии. Демократию в Финляндии удалось сохранить вопреки тому, что значительная часть населения страны открыто симпатизировала Советскому Союзу, при этом дважды на протяжении Второй мировой войны Финляндия сталкивалась с угрозой оккупации советскими войсками. Демократию удалось сохранить даже несмотря на то, что другая, и тоже значительная, часть населения открыто симпатизировала, с одной стороны, нацистской Германии в условиях, когда Финляндия и нацистская Германия оказались союзниками во Второй мировой войне, а с другой стороны — итальянскому фашизму, чей опыт вдохновил радикалов на попытку государственного переворота в начале 1930-х годов, не ставшего, впрочем, успешным. Несмотря на эти вызовы, финляндской элите удалось не только сохранить, но и консолидировать демократию в своей стране. Консолидация демократии продолжалась и в 1920-х годах, когда ей сопутствовал быстрый экономический рост, и в 1930-х годах, когда из-за Великой депрессии темпы экономического роста замедлились, и даже в годы Второй мировой войны.

Информация об авторе: Ланко Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Война, революция и модернизация в Финляндии

Теория модернизации в своем развитии не смогла обойти вопрос о взаимосвязи войны и модернизации. С одной стороны, война способна спровоцировать «модернизационный скачок», причем к таким последствиям может привести как выигранная война, так и война проигранная. Например, поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 годов стало важнейшей причиной революции 1905 года, в которой активно участвовали и жители Финляндии, входившей в то время в состав Российской империи. В Петрограде эти события привели к новым революциям 1917 года, а в Финляндии — к провозглашению независимости в том же году. С другой стороны, война может стать и следствием модернизации, поскольку модернизация не может не создавать ситуаций, когда одни общества начинают опережать другие по уровню экономического развития, что порождает конфликты между ними, чреватые перерасти в вооруженные столкновения и даже полномасштабные военные действия.

Одной из первых работ по взаимосвязи войны и модернизации можно считать монографию Д. М. Кеннеди о влиянии участия США в Первой мировой войне на американское общество того времени [Kennedy 1980 (2004)]. В ней демонстрируется, что, хотя США участвовали в Первой мировой войне лишь на протяжении полутора лет — с апреля 1917 года по ноябрь 1918 года, — сам факт участия в войне сыграл колоссальную роль в трансформации американских политических институтов. Участие в войне заставило США на время отказаться от либеральной экономической политики и существенно усилить роль государства в экономике и жизни общества с целью мобилизовать человеческие и материальные ресурсы на войну, для чего потребовалось создать институты государственной пропаганды и плановой экономики. После окончания войны США более чем на десятилетие вернулись к либеральной экономической политике, однако возврат к мобилизационной политике произошёл даже раньше, чем началась Вторая мировая война.

Одним из основополагающих тезисов теории модернизации является тезис о необратимости модернизации. Сделанное однажды научное открытие нельзя «закрыть», хотя отдельные изолированные общества способны на протяжении длительных периодов времени не только игнорировать научные открытия, сделанные в других обществах, но даже «забывать» достижения научно-технического прогресса, достигнутые ранее этим самым обществом. Аналогично раз сформировавшиеся институты не могут быть до конца расформированы. Опыт мобилизации американского общества и экономики в месяцы, когда США участвовали в Первой мировой войне, пригодился стране вновь в период реализации Нового курса президента Ф. Д. Рузвельта, для времени правления которого также были характерны институты плановой экономики и государственной пропаганды. Вступление США во Вторую мировую войну потребовало лишь усиления этих институтов, что оказалось значительно легче, чем если бы эти институты пришлось создавать заново.

Важнейшие события, ставшие поворотными моментами европейской модернизации, например Реформация или Великая французская революция, были неразрывно связаны с последующими войнами: Тридцатилетней войной и Наполеоновскими войнами. Напоминая об этом, Х. Йоас пытается предостеречь тех, кто стремится к модернизации, поскольку рассматривает ее в качестве инструмента избегания войн [Joas 1999]. По его мнению, модернизация является самостоятельной ценностью, подобно тому как самостоятельной ценностью является демократия. Признавая, что демократические институты имеют ряд функций, привлекательных сами по себе, Йоас предостерегает и тех, кто стремится к демократии в надежде, что сформировавшаяся демократия автоматически будет выполнять эти функции и для них, а не ради демократии как таковой.

Так, большинство государств с демократическими политическими режимами демонстрируют более высокий уровень экономического развития, чем большинство государств с авторитарными режимами. Положительную корреляцию между уровнем экономического развития и степенью консолидации демократических режимов С. М. Липсет отмечал еще в 1950-х годах [Lipset 1959]. Однако существуют и бедные демократии, и богатые авторитарные режимы, и того, кто будет стремиться к демократии как к инструменту, способному обеспечить экономический рост, ждет разочарование. Не меньшее разочарование ждет тех, кто стремится к модернизации ради снижения уровня насилия в обществе и уменьшения вероятности начала вооруженного конфликта с соседями.

Вместе с тем в большинстве стран, являющихся лидерами на пути модернизации, уровень насилия меньше, а опасность возникновения вооруженного конфликта с соседями у таких стран ниже, чем у большинства стран, отстающих в модернизационном развитии.

О взаимосвязи войны и модернизации пишут и теоретики международных отношений, для которых война является одним из важнейших объектов исследования в условиях, когда наука международных отношений изначально сформировалась после окончания Первой мировой войны в качестве попытки нахождения условий для достижения продолжительного мира. Так, К. Тэс и Д. Собек [Thies, Sobek 2010] рассматривают войны, политическое развитие и экономическое развитие в качестве системы, каждый элемент которой связан с двумя другими ее элементами причинно-следственными связями, причем в каждом случае эти связи являются двусторонними. Например, они соглашаются с основополагающим тезисом теории модернизации, согласно которому политическое развитие, то есть создание политических институтов, способствующих вовлечению все более широких кругов населения в процесс принятия политических решений, в большинстве случаев становится важнейшим фактором экономического развития, пусть и в долгосрочной перспективе.

Одновременно они соглашаются и с обратным тезисом — о том, что экономическое развитие в большинстве случаев становится важнейшим фактором политического развития. При этом они отходят от тезиса о том, что в более богатых странах политическая модернизация идет легче и быстрее, а в более бедных странах — труднее и медленнее. Скорее, на темпы политической модернизации оказывают влияние темпы экономического развития внутри одной страны в каждый конкретный момент времени. Аналогично С. Хаггард и Р. Кауфман [Haggard, Kaufman 1995] демонстрируют, что экономический кризис зачастую становится важным фактором краха авторитарного режима и начала демократического транзита. В свою очередь, экономический рост, сопровождающий успехи демократизации, способствует консолидации демократии и препятствует откату назад, к авторитаризму, который подчас начинается в условиях экономической нестабильности после окончания «медового месяца» демократизации.

В контексте настоящего доклада, хронологические рамки которого включают годы Первой и Второй мировых войн, а также пришедшуюся на завершающий период Первой мировой войны гражданскую войну в Финляндии, наибольший интерес представляют тезисы Тэса и Собека

о взаимосвязи войны и экономического развития, а также войны и политической модернизации. Так, опасаясь войны, государства часто проводят политическую модернизацию с целью создания более эффективной системы государственного управления, способной обеспечить быструю мобилизацию значительных ресурсов в случае начала войны. В России первой половины XIX века реформы, разработанные М. М. Сперанским и реализованные в ранние годы правления Александра I, стали одним из факторов, позволивших стране мобилизовать значимые ресурсы не только на войну со слабой в военном отношении Швецией, следствием чего стало появление Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, но и для отражения наполеоновского нашествия 1812 года.

Напротив, в России конца XIX века, в ранние годы правления Николая II, характеризовавшиеся реакционными изменениями системы государственного устройства, включая попытку русификации Финляндии, отсталая система управления стала одной из важнейших причин поражения в Русско-японской войне и революции 1905 года, в событиях которой активнейшее участие также приняли жители Финляндии. В свою очередь, страны, проводившие успешную политическую модернизацию, имеют тенденцию инициировать войну против стран с архаичной системой государственного управления, поскольку рассматривают такие страны в качестве угрозы. Например, теория демократического (или либерального) мира основывается на предположении, что демократии не воюют друг с другом, хотя, как будет показано ниже, в 1941–1944 годах Финляндия и Великобритания, оставаясь демократиями, формально находились в состоянии войны.

Соответственно, демократии, как правило, рассматривают в качестве основных внешних угроз своей безопасности авторитарные государства и стремятся способствовать демократизации авторитарных государств, в том числе насильственными методами. Темпы экономического развития также могут служить фактором начала войны, причем причиной начала войны может стать как экономический рост, так и экономический спад. Например, быстрый экономический рост в Германии в конце XIX века стал причиной начала германской экспансии как в Европе, так и в колониях за пределами Европы. Однако история XX века знает немало примеров и того, как власти той или иной страны пытались отвлечь внимание населения от экономического спада с помощью агрессивной внешней политики вплоть до начала военных действий. Так, в Германии в 1930-х годах экономический кризис помог нацистам прийти к власти,

в то время как попытка нацистского переворота в 1920-х годах, в условиях экономического роста, провалилась.

В свою очередь, войны оказывают негативное влияние на экономику тех стран, которые в них участвуют, в краткосрочном плане. Экономический ущерб войн для стран-победителей и стран-побежденных различается. Как правило, экономический ущерб войн для победителей меньше; в ряде случаев отмечается даже экономический рост в годы войны — например, экономика США демонстрировала бурный рост в 1941–1945 годах. Однако в долгосрочном плане войны нередко становятся фактором начала быстрого экономического роста и в тех странах, которые потерпели поражение в войне, в том числе за счет обновления инфраструктуры, приходящей на смену разрушенной в годы войны устаревшей инфраструктуры. А. Органски и Дж. Куглер [Organski, Kugler 1980] пишут об экономическом росте в Западной Германии и Японии после окончания Второй мировой войны как о примерах быстрого послевоенного возрождения проигравших войну стран. В случае Финляндии гражданская война 1918 года оказала разрушительное воздействие на экономику страны, однако за ней последовал период быстрого восстановления экономики.

«Декрет о мире» по-фински

В каждой стране, которая имела несчастье пережить гражданскую войну, эти события вызывают пристальное внимание и яростные споры как между обычными гражданами, так и между историками и представителями других научных дисциплин. В России дискуссия о гражданской войне и ее итогах была отложена более чем на семьдесят лет. Вплоть до начала перестройки в СССР любые споры по поводу гражданской войны в России, в которых могли прозвучать точки зрения, отличные от официальной трактовки тех событий, изложенной в опубликованных государственными издательствами учебниках, монографиях и исторических журналах, велись преимущественно на кухнях. Современным российским историкам еще предстоит охарактеризовать те дискуссии как с точки зрения вовлеченных в них кругов, так и с точки зрения поднимавшихся в их ходе вопросов, поскольку такая характеристика позволит лучше понять не только значение гражданской войны для последующего развития России, но и особенности советского общества.

Дискуссия о гражданской войне на основе плюрализма мнений началась в Советском Союзе лишь в годы перестройки, и эта дискуссия

далека от своего завершения. О значимости этой дискуссии для современного российского общества говорит хотя бы ожесточенный конфликт вокруг премьеры фильма А. Учителя «Матильда», выпущенного на экраны к столетию русской революции в октябре 2017 года. Важно, что революция и последовавшая за ней гражданская война происходили в Российской империи, на обломках которой за прошедшие сто лет появилось почти два десятка независимых государств. В каждом из этих государств русская революция и гражданская война отозвались внутренним конфликтом, пусть и имевшим внешние причины. В каждом из этих государств сегодня ведутся дискуссии разной степени интенсивности, в ходе которых события тех лет и их последствия для данного государства обсуждают как ученые, так и простые граждане. Имеет место такая дискуссия и в Финляндии.

О. Юссила, С. Хентилиа и Ю. Невакиви [Юссила, Хентилиа, Невакиви 1998: 119–122] утверждают, что в Финляндии не существует единства мнений даже по вопросу о том, как правильно следует называть события первой половины 1918 года. Применяются такие наименования, как «мятеж», «освободительная война», «революция», «классовая война», «война красных и белых», «гражданская война» и «междоусобная война». Сами авторы предпочитают использовать название «междоусобная война», чтобы подчеркнуть тот факт, что, хотя большинство участников конфликта были финнами, включая шведскоязычных финнов, конфликт проходил не без участия иностранных сил, в первую очередь России (причем как белой, так и красной России), а также Германии, которая до своего поражения в Первой мировой войне осенью того же года успела ввести на территорию Финляндии свой воинский контингент [Новикова 2002]. Швеция ограничилась высадкой воинского контингента на Аландские острова, а также отправкой добровольцев и гуманитарной помощи.

Русские войска, не выведенные с территории Финляндии после признания большевиками независимости страны, сыграли определенную роль в событиях гражданской войны в Финляндии, и эта роль до сих пор является предметом спора среди российских историков, из которых часть склонна ее преуменьшать, а часть — например, Л. В. Власов [Власов 2009] — преувеличивать. Однако представляется, что преувеличивать эту роль не следует, точно так же как не следует преувеличивать роль германских войск в победе белых в финляндской гражданской войне. Гражданская война велась преимущественно силами самих финнов, включая шведскоязычных. Причем многие финны, участвовавшие в гражданской войне на стороне красных, бежали после своего пораже-

ния в Советскую Россию. Часть из них, включая О. В. Куусинена, впоследствии сыграла важную роль в событиях Второй мировой войны на территории Финляндии, другая часть, включая, например, К. Маннера, была репрессирована в СССР в 1930-е годы.

В годы гражданской войны погибло порядка 36 тыс. человек, то есть более одного процента от всего трехмиллионного населения Финляндии. После окончания гражданской войны еще порядка 70 тыс. человек, то есть более двух процентов населения страны, были осуждены за государственную измену, однако лишь 113 смертных приговоров было приведено в исполнение. В Финляндии же большинство осужденных на тюремные сроки были амнистированы или освобождены условно задолго до окончания срока приговора. Последние полсотни осужденных, еще оставшихся в тюрьмах, были помилованы в 1927 году. Таким образом, хотя открытая дискуссия о гражданской войне и ее итогах развернулась в Финляндии лишь в 1960-е годы, а в межвоенный период для обозначения этих событий в Финляндии использовалось главным образом словосочетание «освободительная война» [Hannula 1938], уже в 1920-е годы финляндское государство приложило значительные усилия для национального примирения, без которого невозможны ни модернизация, ни рост производительности труда, ни консолидация демократии.

Как и в России, в Финляндии гражданская война потребовала от правительства безотлагательного решения двух важнейших вопросов — о мире и о земле. В месяцы гражданской войны решением обоих этих вопросов занимались оба противоборствующих правительства Финляндии — как белое, так и красное.

К примеру, 1 марта 1918 года Советская Россия и Финляндская социалистическая рабочая республика подписали Договор об укреплении дружбы и братства, по которому Россия, в частности, уступала красной Финляндии территорию Петсамо, ныне являющуюся частью Мурманской области Российской Федерации, а Финляндия уступала России форт Иво, разрушенный в 1921 года по условиям Тартуского мирного договора между Россией и Финляндией, развалины которого и сегодня можно увидеть на побережье Финского залива неподалеку от железнодорожной станции «70-й километр».

С финляндской стороны договор подписали глава финляндского Сената в марте–сентябре 1917 года социал-демократ О. Токой, а также председатель Социал-демократической партии Финляндии в 1917–1918 годах Э. Гюллинг. После поражения в гражданской войне Токой был приговорен в Финляндии к расстрелу, однако приговор не был приведен

в исполнение, и уже в 1921 году он был условно освобожден, после чего переехал в США, где умер в 1963 году. Любопытно, что Токой был одним из лидеров так называемого Мурманского легиона — воинского формирования финляндских красных, которое, с одной стороны, сражалось в годы войны против белых, а с другой стороны — способствовало присоединению Петсамо к Финляндии, благодаря чему Токой рассчитывал на снисхождение со стороны финляндского правительства после поражения в гражданской войне и сдачи белым. В свою очередь, Гюллинг после поражения в гражданской войне бежал в Швецию, откуда в 1923 году переехал в Советскую Россию, где был расстрелян в 1938 году. Имя Гюллинга до сих пор носит одна из набережных реки Лососинки в городе Петрозаводске.

В отличие от финляндских красных, которые рассматривали Советскую Россию в качестве первостепенного международного партнера своей страны, финляндские белые в первую очередь стремились установить дипломатические контакты со странами Запада. Швеция и Франция признали независимость Финляндии еще в конце 1917 года, хотя вплоть до 1921 года Швеция при поддержке значительной части населения Аландских островов претендовала на эту территорию. В начале гражданской войны в Финляндии Швеция высадила воинский контингент на Аландских островах. Однако Германия, которая по приглашению главы финляндского белого сената П. Свинхувуда отправила в Финляндию свои войска на помощь в борьбе против размещенных на территории этой страны русских войск, а также финских красных, направила часть своего флота к Аландским островам, заставив шведский контингент ретироваться. Окончательно Аландские острова были переданы Финляндии по решению Лиги Наций лишь в 1921 году.

Великобритания и США признали независимость Финляндии лишь в 1919 году, после того как Финляндия окончательно объявила себя республикой и провела первые парламентские выборы. При этом Великобритания не поддерживала территориальные претензии Финляндии к России, хотя после победы в гражданской войне белые финляндские войска попытались захватить не только Петсамо, но и часть нынешней Республики Карелия с целью создания «Финляндии от Балтийского до Белого моря». В марте 1918 года британские морские пехотинцы высадились в Мурманске для борьбы, с одной стороны, против красных, а с другой — против возможного продвижения немецких войск в этот стратегически важный для британцев район. Финляндские белые отряды британцы рассматривали в качестве союзников Германии и при попыт-

ках финляндских белых выдвинулись в направлении Белого моря силой оружия заставляли их вернуться на финляндскую территорию.

Боевые столкновения между Финляндией и Советской Россией в Карелии продолжались вплоть до подписания в начале 1920 года Тартуско-го мирного договора, определившего линию прохождения границы. По этому договору, Финляндия получила Петсамо, ряд прилегающих территорий, ныне расположенных в западной части Мурманской области, близ российско-норвежской границы, а также ряд островов в Баренцевом море. В свою очередь, Финляндия передавала оккупированные ее войсками территории Восточной Карелии, которые присоединялись к созданной по инициативе Гюллинга Карельской трудовой коммуне. Однако в месяцы Карельского восстания 1921–1922 годов Финляндия вновь направила в советскую Карелию своих добровольцев с целью содействия вооруженному сопротивлению советам со стороны тех местных, кто выступал за присоединение к Финляндии [Килин 1999]. И когда в 1923 году карельская трудовая коммуна была переименована в Карельскую АССР, Финляндия вновь воспользовалась этим как предлогом для предъявления территориальных претензий на Восточную Карелию — на этот раз на площадках Лиги Наций.

«Декрет о земле» по-фински

Второй важной проблемой, которую правительству Финляндии пришлось решить еще до проведения первых в независимой Финляндии парламентских выборов, был вопрос о земле. Решение этого вопроса в 1918 году способствовало утрате красными популярности среди части финских крестьян. Территориально в месяцы гражданской войны красные в Финляндии доминировали на востоке страны, на границе с Советской Россией, а также на юге, где было сосредоточено большинство промышленных предприятий, чьи рабочие поддерживали красных. В свою очередь, белые доминировали на западе страны, вблизи Швеции, а также на преимущественно аграрном севере. Однако участие в гражданской войне на стороне красных принимали не только рабочие и представители интеллигенции социал-демократической ориентации, но и крестьяне, которые ожидали, что красные смогут после победы освободить крестьян от гнета землевладельцев в духе ленинского «Декрета о земле». Решение земельного вопроса позволило белому правительству завоевать поддержку части финских крестьян.

В Южной Финляндии большая часть обрабатываемых земель, а также леса находились в собственности аристократии, однако право собственности на землю представителей третьего сословия было закреплено еще в период, когда территория Финляндии входила в состав Швеции. Географической особенностью как Финляндии, так и Швеции является протяженная территория с низкой плотностью населения, и без закрепления за представителями третьего сословия права собственности на землю освоение малонаселенных земель на севере и востоке Финляндии, где земля к тому же была гораздо менее плодородной, чем вблизи побережий Финского и Ботнического заливов, происходило бы слишком медленно. По аналогичным причинам — обширные территории и низкая плотность населения — в российской Сибири, например, отсутствовало крепостное право. Еще в XVII веке в Финляндии (а также в Швеции) начали формироваться правовые основы для сдачи помещичьих земель целиком или частями в аренду крестьянам, которые фактически вели на этих землях всю хозяйственную деятельность, выплачивая собственникам земли лишь арендную плату [Лайдинен 1987].

Первоначально правом сдачи земли в аренду были наделены исключительно представители аристократии, однако также еще в шведское время правом сдачи земли в аренду были наделены и представители третьего сословия. В результате к моменту вхождения территории Финляндии в состав Российской империи в стране существовало, помимо землевладельцев, три группы арендаторов земли. Арендаторы, принадлежащие к первой группе, — так называемые торпари (от финского слова *torppari*) — брали в аренду часть поместья, принадлежащего тому или иному аристократу, или часть хуторских земель, принадлежащих землевладельцу из простолюдинов. Таким образом, одному землевладельцу арендную плату вносили несколько торпарей. В ряде случаев арендатору удавалось взять в аренду все поместье или хутор; такие арендаторы назывались *lampuotit*. Наконец, арендатор, относящийся к наиболее бедной и многочисленной группе, назывался *mäkitypäläinen*; такие арендаторы брали в аренду лишь участок земли, непосредственно примыкающий к их дому.

Таким образом, у большинства арендаторов третьего типа в аренде находились участки земли площадью менее одного гектара, в то время как у большинства арендаторов первого и второго типов в аренде находились участки земли более трех гектаров. К моменту вхождения в состав Российской империи в Финляндии проживало менее миллиона человек, при этом часть земель, принадлежавших как аристократам, так

и простолюдинам, находилась в аренде примерно у 20 тыс. семей. К началу XX века население Финляндии выросло более чем втрое, из них к различным группам арендаторов принадлежали около 100 тыс. семей, относящихся к третьему типу арендаторов, и порядка 50 тыс. семей, относящихся к арендаторам первого и второго типов. Часть арендаторов участвовала в гражданской войне на стороне красных [Rasila 1968].

В месяцы, пока в стране шла гражданская война, финляндский парламент не созывался; первое заседание парламента, избранного еще в 1917 году, до Октябрьского переворота в России и провозглашения независимости Финляндии, состоялось лишь в мае 1918 года. Парламент собрался в усеченном составе: в 1917 году депутатами парламента были избраны 92 представителя Социал-демократической партии, подавляющее большинство которых принимало участие в гражданской войне на стороне красных, а после их поражения примерно половина из них бежала в Советскую Россию, а вторая половина была арестована, причем пятеро наиболее активных лидеров финляндских красных из их числа были казнены. Крупнейшей политической силой в «ополовиненном» парламенте оказалась Финская партия, тремя другими значимыми силами были Младофинская партия, Шведская народная партия и Аграрный союз. Депутаты от этой последней партии приняли наиболее активное участие в продвижении закона об освобождении торпарей.

Закон был принят в октябре 1918 года. Основным положением закона стало право выкупа арендаторами земель, находившихся у них в аренде на момент принятия закона. Причем цена выкупа устанавливалась в ценах 1914 года, что составляло лишь порядка 10 % реальной стоимости выкупаемой земли. Первоначально действие закона распространялось лишь на мелких арендаторов: самих торпарей и тех, кого называли *mäkitupalainen*. Кроме того, в законе была сделана оговорка, что выкупить находившиеся у них в аренде земельные участки не могут те лица или члены их семей, кто был осужден на тюремный срок за участие в гражданской войне на стороне красных. Однако даже и с этими ограничениями принятие закона вкпе с победой белых в гражданской войне лишило финляндских красных даже моральной поддержки со стороны финских крестьян. Особая роль Аграрного союза в принятии закона способствовала также росту популярности этой партии среди избирателей, благодаря чему по результатам выборов 1919 года выросла ее фракция в парламенте.

Трансформации партийной системы Финляндии в 1917–1919 годах способствовал спор о форме правления, который вели между собой

представители Финской и Младофинской партий. Часть из них выступала за провозглашение в Финляндии монархии и за внешнеполитическую ориентацию страны на Германию. Именно эта часть финляндской элиты выступила с инициативой пригласить на территорию Финляндии германские войска для отражения возможной агрессии со стороны России (как белой, так и красной — в условиях неопределенности, связанной с гражданской войной в самой России, финляндские монархисты рассматривали в качестве угрозы для только что провозглашенной независимости страны как российских белых, так и российских красных) и для содействия в победе белых в гражданской войне на территории собственно Финляндии. Именно они содействовали избранию в октябре 1918 года первым королем Финляндии Фридриха Карла Гессен-Кассель-Румпенхаймского под именем короля Фредрика Каарле I.

К этой группе принадлежал и П. Свинхувуд, которого в мае 1918 года, сразу после победы в гражданской войне, финляндский парламент наделил полномочиями главы государства в должности регента, какую ему надлежало занимать до коронации финляндского монарха. К монархистам относился и Ю. Паасикиви, которого финляндский парламент назначил на должность премьер-министра страны на смену Свинхувуду, назначенному регентом. Однако поражение Германии в Первой мировой войне сделало внешнеполитическую ориентацию Финляндии на Германию невозможной, а также нарушило планы финляндских монархистов, которым пришлось уйти в отставку в декабре 1918 года. Свинхувуд уступил должность регента герою гражданской войны К. Маннергейму, а Паасикиви уступил должность премьер-министра Л. Ингману. Впрочем, это не означало их окончательного ухода из финляндской политики: Свинхувуд стал президентом страны в 1931 году, а Паасикиви — в 1946 году.

В 1918 году монархисты среди финляндской элиты объединились в Национальную коалиционную партию, а республиканцы — в Национальную прогрессивную партию. Любопытно, что из этих двух партий именно Национальная коалиционная партия сохранилась под таким названием до наших дней, в то время как Национальная прогрессивная партия со временем утратила свою популярность. Помимо этих двух партий, значимыми политическими силами в Финляндии 1919 года стали Аграрный союз и Шведская народная партия. Также накануне парламентских выборов, прошедших в марте 1919 года, в Финляндии в рамках политики национального примирения была вновь разрешена деятельность Социал-демократической партии, пользовавшейся большой популярностью среди населения, несмотря на ее роль в развязыва-

нии гражданской войны и несмотря на поражение в ней. Новым лидером финляндских социал-демократов стал В. Таннер, под руководством которого партия отказалась от сотрудничества с большевиками в России, благодаря чему ее участие в парламентских выборах в Финляндии стало возможным.

Несмотря на то что в первой половине XX века большинство населения Финляндии проживало в сельской местности и занималось сельским хозяйством, существенная доля населения страны в этот период поддерживала Социал-демократическую и другие левые партии, которые традиционно ассоциируются с рабочим классом. Однако в Финляндии социал-демократы в 1910-е годы пользовались большей поддержкой в сельской местности, где за них голосовали бедные крестьяне и безземельные сельскохозяйственные рабочие, нежели в городах. Согласно приводимым Р. Алапуру данным, в ходе первых свободных выборов в Финляндии, прошедших в 1907 году, за социал-демократов проголосовали 38 % жителей деревень и лишь 34 % жителей городов [Алапуру 2019: 109]. На выборах 1916 года за социал-демократов в сельской местности проголосовали 48 % избирателей, а в городах — только 44 %. Лишь в 1917 году поддержка социал-демократов в городе и в деревне сравнялась: в обоих случаях за эту партию проголосовали по 45 % избирателей.

Основываясь на этих данных, Р. Алапуру делает вывод, что социально-экономические условия в Финляндии первых десятилетий XX века способствовали радикализации в первую очередь сельского населения. В XIX веке капитализм пришел не только в финские города, где возникли первые фабрики и заводы, но и в сельскую местность. Вместо характерных для сельскохозяйственной общины, члены которой работают на помещичьих землях, общественных отношений сформировались отношения, в которых основными сторонами выступали, с одной стороны, землевладельцы, а с другой — наемные сельскохозяйственные рабочие. Земельная реформа 1918 года, сделавшая торпарей собственниками земли, превратила их в социальную базу Аграрного союза и существенно увеличила численность собственников земли, однако численность безземельных сельскохозяйственных рабочих все равно превышала численность землевладельцев.

Немногочисленные промышленные предприятия в Финляндии начала XX века были рассредоточены по разным частям страны, их можно было обнаружить и вблизи столицы Хельсинки, и в Тампере, и в Выборге, и в других частях страны. Это усложняло коммуникацию между рабочими организациями в разных частях страны и, возможно, стало одной

из причин поражения красных в гражданской войне, однако это облегчало формирование связки между городом и деревней, аналогичной той, что помогла в России прийти к власти большевикам под лозунгом передачи власти советам рабочих и крестьянских (а также солдатских) депутатов. В России эта связка была уничтожена в результате коллективизации 1930-х годов, в Финляндии же она сохранилась на протяжении всего межвоенного периода. Благодаря этому социал-демократическая партия оставалась одной из наиболее значимых политических сил в стране в 1920–1930-е годы (и остается таковой до сих пор), а бессменный лидер финляндских социал-демократов в межвоенный период Таннер был одним из наиболее влиятельных политических деятелей страны.

Социал-демократическая партия и стала победителем парламентских выборов 1919 года, получив 80 депутатских мандатов по сравнению с 92 мандатами, которые у нее были по итогам парламентских выборов 1917 года. Второй по значимости политической силой стал Аграрный союз под руководством С. Алкио, получивший 42 мандата. Национальная коалиционная партия получила 28 депутатских мандатов, Национальная прогрессивная партия — 26, а Шведская народная партия — 22. Несмотря на победу социал-демократов на выборах, новым премьер-министром стал поддержанный Национальной прогрессивной партией К. Кастрен, занимавший пост министра финансов в правительстве Ингмана. Основным достижением правительства Кастрена стало внесение в парламент предложения о республиканской форме правления; после утверждения этого предложения парламентом правительство Кастрена ушло в отставку.

Успех Аграрного союза на парламентских выборах позволил ему расширить число бенефициаров закона об освобождении торпарей. Уже в 1919 году были приняты поправки в закон, наделявшие правом выкупа ранее арендуемых земель по льготным ценам также и крупных арендаторов, тех, кто относился к категории *lampuotit*, то есть кто арендовал не часть поместья или хутора, но все поместье или хутор целиком. Наконец, в 1922 году были приняты новые поправки, наделившие правом выкупа земли по льготным ценам тех арендаторов, кто сам или чьи члены семьи были осуждены за участие в гражданской войне на стороне красных. В результате подавляющее большинство арендаторов получило право выкупа арендуемых ими земель, и в межвоенный период треть из них реально воспользовались этим правом: за 1920–1930-е годы по данному закону в собственность было выкуплено порядка 50 тыс. земельных участков.

Президентство Карла Стольберга (1919–1925)

Еще одной неотложной задачей избранного в 1919 году состава парламента стало избрание президента страны. Сделанный Финляндией на рубеже 1918–1919 годов выбор между монархией и республикой определил не только основополагающие характеристики политической системы этой страны, но и продемонстрировал изменения в международном праве, произошедшие в результате Первой мировой войны. Хотя некоторые договоренности, сформулированные на Венском конгрессе 1814–1815 годов, перестали действовать уже в годы Крымской войны 1853–1856 годов, многие традиции, положенные Венским конгрессом в основу международного права XIX века, продолжали действовать вплоть до начала Первой мировой войны. Не случайно в литературе по международным отношениям столетие между 1815 и 1914 годами называют периодом, когда в Европе существовала Венская система международных отношений. Одной из них стала традиция наделять неотъемлемым суверенитетом практически исключительно государства с монархической формой правления.

Среди сторон, принимавших участие в Вестфальских конференциях 1648 года, на которых были подведены итоги Тридцатилетней войны в Европе, было довольно много государств, не являвшихся монархиями. Право участия в конференции получили некоторые германские города, во главе которых стоял бургомистр, из итальянских городов в конференции приняла участие Венецианская Республика, во главе которой был Совет дождей. Также право участия в конференции получили конфедерации, не являвшиеся монархиями: Ганзейский союз и Швейцарский союз. Однако в 1815 году собравшиеся на Венский конгресс монархи и их представители важнейшей целью конгресса видели создание институтов, которые позволили бы предотвратить в будущем в одной из европейских стран победу революции, которая устанавливала бы в этой стране республиканскую форму правления, подобно тому как республиканская форма правления была установлена в результате Великой французской революции.

Их цели способствовал и тот факт, что в XVIII веке большинство государств-участников Вестфальских конференций, не являвшихся в середине XVII века монархиями, утратили свой суверенитет. Единственной республикой, чей суверенитет был подтвержден в результате Венского конгресса, стала Швейцария, которая была захвачена революционной Францией в 1797 году и которой была возвращена независи-

мость по решению Венского конгресса. На протяжении всего XIX века большинство европейских государств оставались монархиями. Вторая Французская республика продержалась всего четыре года — между 1848 и 1852 годами. Лишь с формированием Третьей Французской республики во Франции окончательно закрепилась республиканская форма правления. Однако малые государства, появившиеся на политической карте Европы в XIX веке, предпочитали монархическую форму правления. В период существования Венской системы международных отношений монархиям было легче добиться международного признания и сохранить свой суверенитет, чем республикам.

Так, отделившаяся от Нидерландов в результате Бельгийской революции 1830 года Бельгия одновременно с провозглашением независимости провозгласила себя монархией и избрала своим первым монархом дядю британской королевы Виктории Леопольда I, что способствовало сохранению независимости страны в 1830-е годы и заключению в 1839 году Лондонского договора, по которому не только Великобритания, но и Франция, Австро-Венгрия, Пруссия, Россия и Нидерланды признавали суверенитет Бельгии (а также подтверждали суверенитет Люксембурга). Лондонский договор закрепил традицию, согласно которой суверенитетом обладает то государство, во главе которого стоит суверен. И даже в начале XX века, когда независимость от Швеции в 1905 году получила Норвегия, она тоже была провозглашена королевством, поскольку монархическая форма правления, среди прочих преимуществ, облегчала международное признание норвежского суверенитета.

Однако сложившаяся по итогам Первой мировой войны Версальская система международных отношений зафиксировала отказ от этой традиции. Для Великобритании появление на политической карте Европы независимой Финляндии, которая ориентировалась бы в своей внешней политике на Германию, было невыгодно, поэтому она признала независимость Финляндии лишь в 1919 году, после того как эта страна отказалась от внешнеполитической ориентации на Германию, от идеи пригласить немецкого принца на финляндский трон и от самой идеи провозглашения монархии. Лишь после того, как в 1919 году в Финляндии прошли парламентские выборы и избранный парламент подтвердил приверженность республиканской форме правления и избрал 25 апреля 1919 года президентом Стольберга, Великобритания признала независимость Финляндии. В конце 1920 года Финляндия была принята в Лигу Наций, членами которой на тот момент уже были несколько стран с республиканской формой правления, включая Швейцарию и Польшу.

Основным конкурентом Стольберга на президентских выборах 1919 года был Маннергейм, баллотировавшийся в качестве независимого кандидата. Стольберг баллотировался в качестве кандидата от Национальной прогрессивной партии. Формально в качестве кандидата от Аграрного союза баллотировался Л. Реландер, а от социал-демократов — В. Таннер, однако каждый из них получил лишь по одному голосу в ходе тайного голосования в парламенте. Маннергейм получил 50 голосов, — предположительно, за него проголосовали депутаты от Национальной коалиционной партии. Стольберг получил 143 голоса, — предположительно, за него проголосовали, помимо представителей Национальной прогрессивной партии, также большинство аграриев и социал-демократов. Поражение Маннергейма на выборах вызвало многочисленные протесты среди финляндских офицеров, однако протестные настроения не были поддержаны ни самим Маннергеймом, ни другими высшими офицерами, благодаря чему они не оформились в попытку военного переворота.

Любопытно, что Стольберг был избран президентом еще до того, как парламент одобрил текст Акта о форме правления (финляндской конституции), ограничивший его полномочия. Будучи профессором права, принявшего активное участие в выработке Акта о форме правления, Стольберг сам приложил руку к тому, чтобы этот документ ограничивал полномочия главы государства и защищал права граждан от посягательства на них со стороны государства [Salojärvi 2020: 45]. Правда, инаугурация президента состоялась лишь после утверждения конституции. По конституции Финляндия провозглашалась президентской республикой (Финляндия стала парламентской республикой лишь по конституции 2000 года), президент избирался на срок шесть лет. Однако в 1925 году Стольберг принял решение не баллотироваться на пост президента. Зато он баллотировался на пост президента в 1931 и 1937 годах, но оба раза проиграл выборы — в первый раз П. Свинхувуду, во второй — К. Каллио. В годы своего президентства он активно занимался продвижением аграрной реформы, начатой по инициативе парламента еще до избрания его президентом, а также активно способствовал национальному примирению после гражданской войны. Кроме того, в годы его президентства в Финляндии были проведены реформа профессиональных союзов и реформа образования.

О реформе образования в Финляндии 1921 года автор этих строк писал в 2018 году [Ланко 2018: 27–28]. В результате реформы в стране было введено обязательное начальное школьное образование, что стало одним

из факторов не только экономического развития Финляндии в долгосрочной перспективе на протяжении большей части XX века, но и дало быстрый экономический эффект, став одной из причин экономического роста 1920-х годов. Реформа профессиональных союзов была своеобразной уступкой в отношении умеренных социал-демократов под руководством Таннера, которые ориентировались на сотрудничество с правыми финляндскими партиями, в отличие от радикальной Финляндской социалистической рабочей партии, руководствовавшейся в своей работе указаниями финских коммунистов, находившихся в это время в СССР и возглавляемых Куусиненом. Впрочем, одних уступок умеренным социал-демократам для сокращения влияния коммунистов в финляндском обществе было недостаточно, и в годы правления Стольберга правительство активно прибегало к репрессиям против коммунистов.

Так, если по результатам парламентских выборов 1919 года социал-демократы под руководством Таннера получили 80 мест в парламенте, то в 1922 году они получили лишь 53 депутатских мандата, а 27 мандатов получила Финляндская социалистическая рабочая партия. Но в 1923 году все 27 депутатов парламента от этой партии (а также порядка 2000 коммунистов по всей Финляндии) по приказу премьер-министра Каллио были арестованы. Самому Каллио это стоило поста премьер-министра, однако на новых парламентских выборах 1924 года переименованная в Социалистическую партию рабочих и малоземельных крестьян бывшая Финляндская социалистическая рабочая партия получила лишь 18 мандатов, а умеренные социал-демократы — 60 мандатов. Борьба с коммунистами при поддержке со стороны умеренных социал-демократов продолжилась и в годы правления президента Реландера.

Президентство Лаури Реландера (1925–1931)

Накануне президентских выборов 1925 года в Финляндии был принят закон о выборах президента, по которому президент должен избираться коллегией выборщиков, состоящей из 300 человек. Кандидатуры на должность выборщика выдвигаются политическими партиями, выборщики избираются по многомандатным округам, границы которых совпадают с границами избирательных округов на парламентских выборах. Поскольку выборщики выдвигаются политическими партиями, в первом туре президентских выборов (все туры проходят в один день) каждый выборщик голосует, как правило, за кандидата от своей партии.

Выборы 1925 года не стали исключением. Так, наиболее популярная в Финляндии Социал-демократическая партия смогла провести в коллегию выборщиков 79 своих представителей, из них 78 отдали голоса за лидера социал-демократов В. Таннера, а еще один — за альтернативного социал-демократического кандидата К.В. Войонмаа. Поскольку в Финляндии еще с имперских времен сложилась многопартийная система, то ни один из кандидатов в первом туре обычно не получает необходимых для избрания 150 голосов выборщиков.

Во втором туре участвуют все те же кандидаты, что и в первом туре, кроме тех, кто самостоятельно снимет свою кандидатуру. Так, в 1925 году представитель Шведской народной партии К. Сёдерхолм, набравший в первом туре 35 голосов выборщиков, снял свою кандидатуру во втором туре, а представители Шведской народной партии во втором туре проголосовали за кандидата от Аграрного союза губернатора Выборгской губернии Реландера. Он обеспечил себе поддержку со стороны Аграрного союза тем, что его родным языком был финский, а партийная элита полагала, что кандидат в президенты от Аграрного союза должен являть собой альтернативу преимущественно шведскоязычной столичной элите [Arter 1987: 87]. Однако кандидат, набравший в первом туре наименьшее число голосов, не обязан снимать свою кандидатуру с выборов; так, в 1925 году бывший премьер-министр, кандидат от Национальной прогрессивной партии Р. Рюти получил в первом туре всего 33 голоса выборщиков, но не снял свою кандидатуру и набрал во втором туре большинство голосов — 104, что, впрочем, не обеспечило ему победу. Во втором туре выборщики голосуют вне зависимости от своей партийной принадлежности.

Так, в 1925 году во втором туре выборов Таннер получил всего два голоса выборщиков, поскольку большинство выборщиков от социал-демократов проголосовали за Рюти. Реландер, поддерживаемый Аграрным союзом и получивший в первом туре 69 голосов, во втором туре получил 97 голосов. Наконец, в третий тур выборов проходят два кандидата, набравшие большинство голосов во втором туре выборов. В 1925 году ими оказались Рюти и Реландер, причем последнего в третьем туре поддержали представители не только Шведской народной партии, но и Национальной коалиционной партии, что обеспечило ему победу. Любопытно, что выборщики от Социалистической партии рабочих и малоземельных крестьян, проголосовавшие в первом и втором турах за своего кандидата М. Вайсянена (который с 1923 года сидел в тюрьме), в третьем туре также проголосовали за него (по процедуре выборщики от руки вписывают

фамилию поддерживаемого ими кандидата в бюллетень), из-за чего их голоса были признаны недействительными.

Президентство Реландера ознаменовалось в первую очередь почти ежегодно сменяющимися друг друга правительствами, из которых большинство являлись правительствами меньшинства. Социал-демократы Таннера, хоть и продемонстрировали способность к сотрудничеству в ходе президентских выборов как в 1919 году, так и в 1925 году, отказывались создавать правительственные коалиции с прочими политическими партиями, которые (за исключением Социалистической партии рабочих и малоземельных крестьян) они называли буржуазными. К слову, название «буржуазные партии» до сих пор используется в финляндской журналистике для обозначения правых политических партий. «Буржуазные партии» также с трудом создавали коалиции между собой из-за существенных разногласий по ключевым для страны вопросам: например, Аграрный союз настаивал на отказе от второго (шведского) государственного языка, из-за чего не мог создавать коалиции со Шведской национальной партией.

Одно из правительств меньшинства в годы президентства Реландера возглавил Таннер; в это правительство входили исключительно социал-демократы, что не помешало этому правительству продержаться почти год, в течение которого Таннер какое-то время исполнял также обязанности главы государства во время болезни Реландера. Оказать существенное влияние на политический курс страны за этот год социал-демократы не смогли, однако сам факт того, что в течение года премьерское кресло занимал их лидер Таннер, сыграл положительную роль с точки зрения национального примирения после гражданской войны. Премьерство Таннера было крайне негативно воспринято в консервативных кругах; по стране даже поползли слухи о возможном государственном перевороте, оказавшиеся, впрочем, всего лишь попыткой финских коммунистов привлечь к своей деятельности дополнительное внимание общественности [Васара 2012].

Несмотря на постоянно сменявшие друг друга правительства, в 1920-х годах Финляндия добилась быстрого экономического роста. Если за 1910-е годы валовой национальный продукт в Финляндии уменьшился в результате ущерба, нанесенного Первой мировой войной, революцией и гражданской войной, то за последующее десятилетие он ежегодно рос на 3,7 % в среднем [Pohjola 2017: 280]. Однако рост производительности труда в указанный период не опережал роста валового внутреннего продукта: в 1920-х годах ежегодный прирост добавленной

стоимости, производимой в один час, также составлял в среднем 3,7 % в год. Индустриализация проходила медленно, а наиболее конкурентоспособными секторами экономики, как и в конце XIX века, оставались сельское и лесное хозяйство. Неудивительно, что быстрый рост экономики завершился на рубеже 1920–1930-х годов, когда вследствие начала Великой депрессии резко снизился мировой спрос на древесину — продукт, составлявший основную статью финляндского экспорта.

Финляндия и другие крупные экспортеры леса попытались создать своеобразный картель с целью поддержания мировых цен на древесину на приемлемом уровне. Причем к участию в картеле были приглашены не только европейские страны с рыночной экономикой, но и Советский Союз. Соответствующие переговоры начались еще в 1931–1932 годах при поддержке секретариата Лиги Наций. Важный раунд переговоров состоялся на полях Лондонской экономической конференции 1933 года. Наконец, в 1935 году представители Финляндии, СССР, Швеции, Польши, Австрии, Румынии, Югославии и Чехословакии пришли к соглашению, которое начало действовать в конце того же года [Rupasov 2018]. Это позволило стабилизировать цены на лес на европейском рынке и способствовало росту финляндской экономики, однако в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов ситуация оставалась сложной. В это же время в Финляндии сформировалось праворадикальное Лапуаское движение, попытавшееся захватить в стране власть с целью установления фашистской диктатуры по итальянскому образцу.

Едва ли следует считать начало Великой депрессии основной причиной формирования Лапуаского движения: движение сформировалось осенью 1929 года одновременно с началом Великой депрессии в США, которая еще не успела к тому времени сказаться на экономике Финляндии. Основная заслуга в том, что Лапуаское движение не смогло захватить власть в Финляндии, принадлежит, впрочем, не Реландеру, но его преемнику на президентском посту Свинхувуду. Что же касается Реландера, то он основное внимание в годы своего президентства уделял вопросам внешней политики, за что получил в народе прозвище «путешественник Лассе». Вопросы внешней политики во второй половине 1920-х годов стали особенно актуальными в условиях сохранявшейся угрозы со стороны Советского Союза, а также постепенного созревания реваншистских настроений в центральноевропейских государствах, которые позднее приведут к власти в Германии А. Гитлера. По мнению Реландера, Скандинавские страны, страны Балтии и Польша могли противостоят этим вызовам только сообща, поэтому основой дипломатии

Реландера стали попытки сформировать «Северное Локарно» — оборонительный союз между Балтийскими и Скандинавскими государствами [Родин 2019], — впрочем, безуспешные. Одновременно личная дипломатия Реландера сформировала основу для будущего включения Финляндии в сотрудничество Северных стран [Kaukiainen 1984].

Наиболее заметным элементом политического наследия Реландера стала отмена сухого закона. История сухого закона в Финляндии уходит корнями во времена правления Александра II, когда начавший собираться регулярно финляндский сейм ввел первые ограничения на торговлю и производство алкогольных напитков. Решение об окончательном запрете производства и продажи алкогольных напитков, за исключением государственных предприятий, было принято первым созывом Эдускунты, который собрался в 1907 году, однако тогда принимаемые парламентом Великого княжества Финляндского законы должны были утверждаться императором, и Николай II закон не утвердил. В 1909 году финляндский парламент принял сухой закон вновь, однако одобрение имперских властей этот закон получил лишь от главы Временного правительства Г. Е. Львова в 1917 году. В 1919 году закон вступил в силу: несмотря на провозглашение независимости Финляндии, законы, принятые в имперский период, продолжали в ней выполняться. В 1922 году были приняты поправки, ужесточившие наказание за нарушение сухого закона.

Сухой закон в Финляндии представляется крайне важным для понимания политики в эпоху модерна, для которой в целом было характерно стремление элиты к улучшению человеческой природы ради достижения всеобщего блага. В ряде европейских стран это стремление приняло радикальные формы. Идеи Ж.-Ж. Руссо относительно воспитания «лучших людей», изложенные в трактате «Эмиль», являются примером таких радикальных идей, хотя они никогда не были реализованы на практике. Даже тоталитарные режимы XX века не практиковали изъятие детей из семей с целью воспитания «лучших людей», хотя они также основывались на идеях улучшения человеческой природы. Так, отталкиваясь от идей К. Маркса о том, что социализм якобы будет способен произвести «богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека» [Маркс, Энгельс 1956: 586], советская власть формально на XXII съезде КПСС, а фактически еще в сталинские годы провозгласила своей целью создание «нового человека».

Германские нацисты стремились к улучшению человеческой природы у представителей некоторых, якобы генетически способных к этому

народов в случае избавления от якобы пагубного влияния других народов, неспособных к улучшению своей природы. Американские суфражистки начала XX века провозглашали своим лозунгом не только право голоса для женщин, но и «целомудрие для мужчин»; они активно подерживали принятие в США в 1919 году восемнадцатой поправки к конституции, устанавливавшей все тот же сухой закон. В Финляндии принятие сухого закона до провозглашения независимости блокировалось императорской властью, однако после провозглашения независимости он был немедленно приведен в действие. Последствия его оказались схожими с последствиями принятия восемнадцатой поправки в США, и главным из них был резкий рост преступности. Кроме того, принятие сухого закона создало для Финляндии проблемы и на международной арене: например, Португалия запретила импорт целлюлозно-бумажной продукции из Финляндии.

Помимо Финляндии и США, сухой закон в 1920-х годах действовал также в Скандинавских странах: в Швеции, Норвегии и Исландии, которая в это время пользовалась правами автономии в составе Дании, где сухой закон не вводился. Контрабандисты Скандинавских стран действовали схожими методами, причем методы их работы были одинаковыми не только для Скандинавских стран, но аналогично работали и контрабандисты в США [Andersson 2003]. При этом правительства Швеции и Финляндии не сотрудничали в вопросах претворения сухого закона на практике; напротив, известен случай, когда из-за разногласий по поводу торговых ограничений, связанных с сухим законом, Швеция даже временно объявила о бойкоте товаров из Финляндии. В этих условиях попытки Реландера сделать союз Финляндии со Скандинавскими странами основой создаваемого им «Северного Локарно» сильно усложнились.

Кроме того, Реландер лично являлся одним из противников сухого закона. Не имея возможности вместе с тем убедить парламент в необходимости отмены сухого закона, Реландер поспособствовал организации в 1931 году референдума по этому вопросу. Избирателям предлагалось проголосовать за один из трех вариантов: либо за сохранение сухого закона, либо за его полную отмену, либо за сохранение сухого закона с одновременным выводом из-под его действия слабоалкогольных напитков. Более 70 % избирателей проголосовали за полную отмену сухого закона, и в 1931 году, уже после ухода Реландера с поста президента, избранный в 1930 году состав парламента принял Закон о крепких алкогольных напитках, который сохранил государственную монополию на их производ-

ство, импорт и продажу, но разрешил их продажу населению с целью употребления, а также вывел из-под действия государственной монополии слабоалкогольные напитки, хотя некоторые ограничения на их продажу были сохранены.

Президентство Пера Свинхувуда (1931–1937)

Важнейшим вызовом, с которым пришлось столкнуться Финляндии на первом году президентства Свинхувуда, стало противостояние между финляндской демократией и Лапуаским движением, которое началось еще в 1930–1931 годах, когда Свинхувуд стал премьер-министром Финляндии во второй раз (в первый раз он занимал эту должность в 1917–1918 годах). Лапуаское движение зародилось в провинции Южная Ботния, где в годы гражданской войны в столице провинции городе Васа находилось белое правительство и где большинство населения разделяло консервативные ценности. Меньшинство населения, однако, были коммунистами, и в ноябре 1929 года они решили провести общественное мероприятие в местечке Лапуа, неподалеку от Васа, в самом сердце белой Финляндии. Местные жители во главе с В. Косола, которые негативно восприняли критику самой идеи финляндской независимости, Маннергейма, а также христианской веры, прозвучавшую в ходе мероприятия, силой выгнали коммунистов за границу населенного пункта.

Под влиянием опыта антикоммунистов из Лапуа граждане схожих взглядов по всей стране начали устраивать «антимероприятия» в местах проведения мероприятий коммунистов. Сформировались штурмовые отряды, которые занялись нападениями и похищениями известных коммунистов и сочувствующих им. Одновременно в условиях начала Великой депрессии правительство демократической Финляндии не могло, да и не хотело идти на дальнейшие уступки умеренным социал-демократам. Так, на парламентских выборах 1929 года Аграрный союз обошел социал-демократов по числу полученных депутатских мандатов, а ставший по итогам выборов премьер-министром представитель этой партии Каллио провел через парламент закон, запрещающий забастовки трудящихся на период экономического кризиса, что не могло понравиться социал-демократам, зато вызвало горячее одобрение сторонников Лапуаского движения, которые предложили Каллио возглавить их движение.

Каллио отказался; более того, его правительство подало в отставку, причем это произошло в условиях, когда парламент не только одобрил

все предлагаемые правительством законопроекты, но и дал предварительное согласие на одобрение законопроекта, который вводил бы в Финляндии цензуру и запрещал бы выпуск средств массовой информации коммунистической ориентации. Сформировать новое правительство было поручено представителю Национальной коалиционной партии Свинхувуду. Последний пригласил в правительство представителей всех «буржуазных» партий, а также Лапуаского движения, хотя оно не было политической партией и не имело собственной фракции в парламенте. Однако представители Лапуаского движения отказались участвовать в работе правительства наравне с представителями других партий, поскольку их целью было заполучить все правительство целиком. Несмотря на отсутствие в правительстве представителей Лапуаского движения, правительство включило в свою программу многие его требования.

Так, депутаты парламента от Социалистической партии рабочих и малоземельных крестьян были изгнаны с заседаний парламента; вместе с другими известными финляндскими коммунистами они были арестованы, а средства массовой информации левой ориентации были закрыты. Новые парламентские выборы были назначены на осень 1930 года, но арестованным коммунистам было запрещено принимать в них участие. Однако представители Лапуаского движения не удовлетворились запретом на политическую деятельность для крайне левых, теперь вся мощь движения обрушилась на социал-демократов; в частности, был похищен бывший заместитель председателя парламента, бургомистр Тампере, социал-демократ В. Хаккила. Также весной 1930 года Лапуаское движение провело в Хельсинки «хуторской марш», организаторов которого вдохновил «поход на Рим» итальянских фашистов осенью 1922 года. На сходство Лапуаского движения и итальянского фашизма обращали внимание в это время и представители в Финляндии Советского Союза, выражавшие правительству Финляндии свою озабоченность ростом подобных настроений в стране [Рупасов 2018]. Однако, в отличие от итальянских фашистов, Лапуаское движение отказалось регистрироваться в качестве политической партии и участвовать в выборах.

По итогам парламентских выборов 1930 года социал-демократы вновь создали крупнейшую фракцию в парламенте, поскольку многие сторонники запрещенной Социалистической партии рабочих (фракция малоземельных крестьян к выборам 1930 года выделилась в самостоятельную партию, которая получила на выборах один депутатский мандат) предпочли проголосовать за социал-демократов. Сразу после про-

ведения выборов штурмовики Лапуаского движения похитили бывшего президента Стольберга, которого они обвиняли в проведении политики национального примирения после гражданской войны. Однако вскоре бывший президент был освобожден и баллотировался на президентских выборах в начале 1931 года. Другими кандидатами были Свинхувуд, Каллио и Таннер. Реландер не выдвинул свою кандидатуру на второй срок, поскольку он утратил поддержку Аграрного союза, при опоре на который он баллотировался в президенты в 1925 году. Дж. Лэйвери утверждает, что Аграрный союз перестал поддерживать Реландера из-за симпатий последнего в отношении Лапуаского движения [Lavery 2006: 98].

Во втором туре выборов социал-демократы поддержали Стольберга, что едва не принесло ему победу, однако в третьем туре выборщики от Аграрного союза поддержали Свинхувуда, который и стал президентом. Избрание президентом Стольберга при поддержке социал-демократов могло бы усилить Лапуаское движение, чьи сторонники увидели бы в этом угрозу национальной безопасности страны, однако, когда президентом стал Свинхувуд, чье правительство до этого зарекомендовало себя как беспощадное к коммунистам, популярность Лапуаского движения начала падать. Выяснилось, что эффективная борьба с «красной угрозой» возможна и без отказа от демократических институтов. И когда в начале 1932 года лидеры движения собрали своих сторонников в деревне Мянсяля, неподалеку от Хельсинки, с целью нового «хуторского марша» 1930 года и возможного захвата власти, повторить успех двухлетней давности не удалось. Свинхувуд обратился по радио к военным с просьбой сохранять верность закону и не ввергать страну в новую гражданскую войну всего спустя десятилетие после окончания прошлой гражданской войны, и военные остались верны присяге. Большинство участников несостоявшегося восстания также разошлись по домам.

Организаторы восстания были арестованы, но все они получили лишь незначительные тюремные сроки, а многие и вовсе избежали тюрьмы. Лапуаское движение было запрещено, однако его сторонники создали Патриотическое народное движение, которое уже не ставило своей целью захват власти насильственным путем, но зарегистрировалось в качестве политической партии и имело собственную парламентскую фракцию в 1930-х годах. Патриотическое народное движение было запрещено лишь в конце 1940-х годов, после окончания Второй мировой войны. В свою очередь, Свинхувуд и после поражения Лапуаского движения продолжал политику жесткого преследования коммунистов

в Финляндии. Так, в 1934 году был арестован действовавший в Финляндии подпольно в условиях запрета коммунистической партии активист Коминтерна Т. Антикайнен, и, несмотря на протесты со стороны леволиберальной интеллигенции из разных стран, он был осужден и лишь в 1940 году, после поражения Финляндии в Зимней войне был выдан Советскому Союзу.

Параллельно с сохранением демократии Финляндии приходилось бороться с последствиями Великой депрессии для экономики страны. Находившееся у власти в 1931–1932 годах правительство во главе с представителем Аграрного союза Ю. Синила провело девальвацию финляндской марки и отказалось от привязки марки к золотому стандарту, что вызвало ожидаемое оживление экспорта, а также развитие лесопереработки и целлюлозно-бумажной промышленности. В 1933–1936 годах во главе правительства находился представитель Национальной прогрессивной партии Т. Кивимяки, в период премьерства которого были заложены основы будущего финляндского государства благосостояния. В частности, при участии правительства Кивимяки были выработаны и приняты законы о борьбе с алкоголизмом и бродяжничеством, а также об охране детства и создании муниципальных советов по социальному обеспечению.

Правительство Кивимяки приложило значительные усилия для привлечения иностранных инвесторов в разработку полезных ископаемых в Петсамо — территории на побережье Баренцева моря, входящей ныне в состав Мурманской области, но вошедшей в состав Финляндии по условиям Тартуского мирного договора 1920 года. Эта территория богата никелем, и в 1935 году концессии на добычу и организацию мощностей для переработки никеля были выданы консорциуму французских и канадских компаний [Eloranta, Nummela 2007]. По свидетельству П. Стадиуса [Stadius 2016], начало добычи никеля в Колосйоки стало двигателем модернизации всей этой периферийной арктической территории. Однако в 1940 году данная территория оказалась захвачена Советским Союзом по результатам Зимней войны, в 1941 году контроль над этой территорией установили немецкие войска, пришедшие сюда через ранее оккупированную немцами Норвегию, а в 1944 году Петсамо вновь вошла в состав СССР.

В 1936 году после очередных парламентских выборов правящую коалицию покинула Шведская народная партия, правительству Кивимяки, которому удалось продержаться у власти дольше, чем любому другому правительству за историю Финляндии в межвоенный период, пришлось

уйти в отставку, правительство меньшинства сформировал представитель Аграрного союза Каллио, который также объявил о своем стремлении участвовать в президентских выборах в начале 1937 года. Действующий президент Свинхувуд тоже выдвинул свою кандидатуру на второй срок при поддержке Национальной коалиционной партии и Патриотического народного движения, третьим кандидатом стал Стольберг при поддержке Национальной прогрессивной партии. Для выборщиков от Социал-демократической партии оказалось принципиально важным не допустить переизбрания Свинхувуда. В свою очередь, для выборщиков от правых партий было важно не допустить избрания Стольберга, который получил большинство голосов в первом туре. Кандидатура Каллио оказалась компромиссной как для левых, так и для правых, благодаря чему он и стал президентом. Кандидатура Каллио, который, в отличие от Свинхувуда, не симпатизировал нацистской Германии, получила поддержку в Лондоне [Gerard 2005: 6].

Президентство Кюёсти Каллио (1937–1940) и Зимняя война

Каллио стал президентом в качестве представителя Аграрного союза при поддержке социал-демократов и Национальной прогрессивной партии, и именно представители этих трех партий составили новое правительство, председателем которого стал А. Каяндер. Как представитель небольшой по размеру фракции в парламенте Национальной прогрессивной партии, Каяндер не столько определял направления работы правительства, сколько помогал представителям Аграрного союза и социал-демократам находить компромиссные варианты решения стоящих перед страной проблем. Помимо самого Каяндера, вторым представителем Национальной прогрессивной партии в правительстве был министр иностранных дел. В 1937–1938 годах этот пост занимал Р. Холсти, стоявший на жестких антигитлеровских позициях. Главным образом он ориентировался на союз со Скандинавскими странами, а также с Великобританией; Советский Союз он полагал «меньшим злом» по сравнению с нацистской Германией.

Такая позиция не могла не вызывать возражений со стороны многочисленных прогермански настроенных финляндских политиков, которые вынудили Холсти уйти в отставку. Какое-то время Холсти оставался представителем Финляндии при Лиге Наций, однако в связи с прекраще-

нием работы последней после начала Второй мировой войны Холсти эмигрировал в США, где занялся научной и преподавательской работой. Эмигрировавшие вместе с ним его сыновья О. Холсти и К. Холсти продолжили дело отца, став известными исследователями международных отношений. В 1960-х годах они эмигрировали в Канаду, откуда в 1970-х годах О. Холсти вернулся в США, где продолжил изучать влияние персональных установок американских политических лидеров на внешнюю политику США. К. Холсти остался в Канаде, где он был избран президентом Канадской ассоциации политической науки, а в 1986–1987 годах избирался президентом Ассоциации международных исследований.

Пост министра финансов в правительстве Каяндера занимал бессменный лидер финляндских социал-демократов в 1920–1930-х годах Таннер, чьей основной задачей стало сохранить созданные еще в годы президентства Свинхувуда элементы государства благосостояния, как того требовали избиратели социал-демократической партии. В свою очередь, президент Каллио, главнокомандующий Маннергейм и некоторые члены правительства требовали увеличения военных расходов в условиях, когда Европа всеми силами стремилась предотвратить начало Второй мировой войны. Требования Маннергейма обуславливались как соображениями обороноспособности страны, так и интересами тех представителей финляндской элиты, которые извлекали немалую ренту из оборонного заказа. Я. Элоранта провел сравнительное исследование взаимосвязи между ориентацией элиты на получение ренты и оборонным заказом в Великобритании, Швеции и Финляндии в межвоенный период [Eloranta 2009].

Результаты этого исследования показывают, что, хотя традиция извлечения прибыли из оборонного заказа рентоориентированной частью элиты была характерна для всех трех стран, финляндские институты, которые могли бы помешать этой части элиты извлекать сверхприбыль из оборонного заказа, были наименее развитыми из трех стран. Впрочем, большая часть оборонного заказа во всех малых европейских странах, включая и Финляндию, в межвоенный период доставалась отечественным производителям, а импорт вооружений из крупных держав составлял лишь малую часть оборонного заказа [Eloranta 2002]. Развод политической и экономической элит в Финляндии произошел лишь уже после завершения Второй мировой войны. Кроме того, конфликт между Маннергеймом и Таннером усугублялся тем, что Маннергейм стоял на прогерманских позициях и в качестве основной угрозы для безопасности Финляндии рассматривал Советский Союз, в то время как Таннер

имел склонность недооценивать угрозу со стороны Советского Союза, а в качестве наиболее вероятного зачинщика Второй мировой войны рассматривал нацистскую Германию.

Пост министра внутренних дел в правительстве Кааяндера занимал представитель Аграрного союза, будущий президент Финляндии У. Кекконен, который уже возглавлял Министерство юстиции в последнем правительстве Каллио при президенте Свинхувуде. Именно Кекконен выступил с инициативой запрета Патриотического народного движения по той же схеме, по какой в начале 1930-х годов в Финляндии были запрещены крайне левые партии и движения. На парламентских выборах 1933 и 1936 годов Патриотическое народное движение получило по четырнадцать депутатских мандатов, однако к парламентским выборам 1939 года популярность этого движения снизилась, и оно получило по итогам выборов лишь восемь депутатских мандатов. Кекконен решил, что настал момент, когда можно было бы запретить деятельность движения и не столкнуться при этом с массовыми акциями протеста его сторонников. Решение министерства внутренних дел о запрете движения было поддержано парламентом, однако Хельсинкский городской суд отменил это решение.

После отставки Холсти и кратковременного пребывания на посту министра иностранных дел Войонмаа министром иностранных дел был назначен Ю.Э. Эркко, основной задачей которого на этом посту стало продолжение переговоров с Советским Союзом об обмене территориями, начавшихся еще в период, когда министром был Холсти. Советский Союз предлагал Финляндии значительные территории на севере в обмен на территории на Карельском перешейке. Финляндский посол в Москве, будущий президент Паасикиви предлагал соглашаться на обмен, однако Эркко был категорически против. В отличие от Холсти, который полагал, что любые переговоры лучше войны, и активно вел переговоры с советским представителем в Хельсинки Б. А. Ярцевым (Рыбкиным), Эркко саботировал переговоры, особенно после завершения лета 1939 года, считая, что из-за климатических условий СССР в любом случае не начнет войну зимой, а потому Финляндия может располагать временем до весны 1940 года для дипломатического маневра [Барышников 1997].

Когда в ноябре 1939 года СССР напал на Финляндию, Маннергейм счел это следствием недальновидной политики Эркко и потребовал не только отставки самого Эркко, но и всего правительства Кааяндера. Правительство ушло в отставку вскоре после начала войны, новое прави-

тельство составилось из представителей тех же политических партий, что и правительство Каяндера, его возглавил также представитель Национальной прогрессивной партии, будущий президент Рюти. Он стал единственным представителем своей партии в правительстве, пост министра иностранных дел занял социал-демократ Таннер, чьей основной задачей стало начать, а по возможности и довести до конца мирные переговоры с Советским Союзом с целью остановить Зимнюю войну. И пока Маннергейм во главе финляндских войск сдерживал наступление Красной армии на востоке страны, Таннер при посредничестве советского посла в Стокгольме А. Коллонтай пытался вести переговоры с СССР о перемирии.

Московский мирный договор по итогам Зимней войны был подписан в марте 1940 года, после чего первое правительство Рюти ушло в отставку, а вместо него сформировалось правительство с участием представителей почти всех парламентских фракций, за исключением Патриотического народного движения, а также Партии малоземельных крестьян, имевшей в парламенте лишь двух представителей. В отличие от предыдущего правительства, в котором социал-демократы играли значимую роль, в новом правительстве эта роль перешла к Национальной коалиционной партии, а Таннера, который, несмотря на то что завершившуюся Зимнюю войну, продолжал выступать с просоветскими взглядами, за что правые финляндские политики сочли его представителем советской «пятой колонны», сначала был переведен на малозначимую должность министра общественного благосостояния, а менее чем через полгода — и вовсе исключен из состава правительства.

Должность министра финансов, которая принадлежала Таннеру в правительстве Каяндера, занял другой видный социал-демократ М. Пеккала. После окончания Второй мировой войны, когда одной из значимых политических сил в Финляндии станет просоветский Демократический союз народов Финляндии, Пеккала будет единственным представителем этой партии, который займет должность премьер-министра. Должность министра иностранных дел занял представитель Шведской народной партии Р. Виттинг, чьи прогерманские взгляды позволили ему оставаться на этой должности как в мирный период конца 1940 — начала 1941 года, так и вплоть до 1943 года, пока Финляндия участвовала в войне против Советского Союза на стороне нацистской Германии; в самой Финляндии эта война получила название «война-продолжение», поскольку большинство финнов рассматривают ее в качестве неизбежного следствия поражения страны в Зимней войне.

Правительство начало играть в финляндской политике более важную роль, чем президент. Соглашение с нацистской Германией о военном транзите, которое Каллио подписал в августе 1940 года, было подписано без ведома президента. Вскоре после этого у Каллио случился инсульт, а осенью 1940 года он объявил о своей отставке. В условиях, когда в Финляндии только что завершилась одна война, страна активно вела подготовку к новой войне, проведение всенародного голосования для формирования коллегии выборщиков было сочтено нецелесообразным, и парламент одобрил поправку в закон о выборах, по которому в исключительных случаях было возможно избрание президента старой коллегией выборщиков, сформированной еще в 1937 году. Коллегия выборщиков избрала новым президентом Рюти, а вскоре после его инаугурации Каллио умер. Исполняющим обязанности премьер-министра временно был назначен К. Вальден, пятый из наиболее влиятельных финляндских политиков в годы Второй мировой войны; четырьмя другими были Рюти, Маннергейм, Таннер и Виттинг.

Президентство Ристо Рюти (1940–1944) и война-продолжение

Новое правительство Финляндии сформировалось в самом начале 1941 года. Премьер-министром был назначен коллега Рюти по работе в Банке Финляндии и также представитель Национальной прогрессивной партии Й.В. Рангелл. К работе в правительстве были приглашены представители всех политических партий, представленных в парламенте, включая Патриотическое народное движение. Правда, Косола так и не стал министром, но на должность министра транспорта и общественных работ был назначен представитель Патриотического народного движения В. Аннала. Вальден получил в новом правительстве должность министра обороны. Несмотря на то что Зимняя война закончилась, Рюти не принял должность главнокомандующего, которую в мирное время должен занимать президент республики, а главнокомандующим остался Маннергейм, к которому должность главнокомандующего перешла от президента Каллио в связи с началом Зимней войны. Виттинг сохранил за собой должность министра иностранных дел.

Должность министра финансов — вторую по значимости в финляндском правительстве даже в годы войны — продолжил занимать социал-демократ Пеккала. Против назначения Таннера министром активно

выступали не только финляндские правые, но и Советский Союз, элита которого воспринимала Таннера в качестве автора проводившейся финляндскими социал-демократами в 1920–1940-е годах политики «соглашательства» с «буржуазными партиями». Таннер смог вернуться на министерский пост лишь летом 1941 года, когда Финляндия уже вступила в войну на стороне нацистской Германии и мнение советского руководства относительно состава финляндского правительства перестало играть какую-либо роль в формировании этого правительства. Летом 1941 года Таннер был назначен министром торговли и промышленности, а в 1942 году на этом посту его сменил другой видный социал-демократ У. Такки, а Таннер, в свою очередь, сменил Пеккала на посту министра финансов.

Должность министра внутренних дел изначально занял представитель Шведской народной партии Э. фон Борн, однако уже весной 1941 года его сменил представитель Национальной коалиционной партии Т. Хорелли, славившийся своими симпатиями в отношении нацистской Германии. В частности, он выступил с предложением начать выдавать проживавших на территории Финляндии евреев правительству нацистской Германии ради решения так называемого еврейского вопроса, однако правительство не поддержало это предложение. Особенно горячо против этого предложения выступал министр социальной защиты населения К.-А. Фагерхольм, социал-демократ, будущий премьер-министр во времена президентства Паасикиви и Кекконена. Несмотря на то что в годы войны Финляндия была союзницей нацистской Германии, в стране не преследовались евреи и цыгане, хотя для специальных переговоров по еврейскому вопросу в Финляндии страну посетил в 1942 году руководитель гестапо Г. Гиммлер. О. Вехвиляйнен утверждает, что во время встречи Рангелл заверил Гиммлера, что в Финляндии «нет еврейского вопроса» [Vehviläinen 2002: 102].

В качестве основной цели участия во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии Финляндия рассматривала возвращение территорий, отнятых у нее Советским Союзом по итогам Зимней войны. Однако к началу 1940-х годов Финляндия еще полностью не избавилась от геополитических амбиций, которые после провозглашения независимости заставили финнов претендовать на область Петсамо, переданную Финляндии по условиям Гартуского мирного договора 1920 года, а также посылать отряды в Восточную Карелию с целью обеспечить Финляндии выход к Белому морю, чего до 1920 года достичь не удалось. В декабре 1941 года финские войска захватили Восточную Карелию,

включая город Петрозаводск, который был переименован в Яэнислинна — по названию Онежского озера на финском языке — Яэнинен. Решение захватить Петрозаводск сыграло важнейшую роль во взаимоотношениях Финляндии с крупнейшей западной державой — Великобританией.

В 1939 году Великобритания рассматривала Финляндию в качестве жертвы советской агрессии и даже планировала направить войска на помощь Финляндии в месяцы Зимней войны. Для этого Великобритания потребовала от Швеции пропустить ее войска на пути из Норвегии (которая соглашалась пропустить британские войска через свою территорию) в Финляндию. Швеция отказалась, поскольку опасалась, что истинной целью Великобритании является не столько помощь Финляндии против советской агрессии, сколько установление контроля над железными рудниками в северной части Швеции, руду с которых Швеция поставляла нацистской Германии, против чего выступала Великобритания. Поэтому Великобритания не смогла оказать военную помощь Финляндии в месяцы Зимней войны, но не возражала против стремления Финляндии вернуть отнятые у нее во время войны территории, пусть даже в союзе с нацистской Германией. Однако, когда финские войска захватили и Восточную Карелию, Великобритания немедленно объявила войну Финляндии.

Финляндско-британские отношения в 1941–1944 годах, когда эти две страны находились в состоянии войны, являются одним из немногих примеров войн между государствами с демократическими режимами. Хотя ни в Великобритании, ни в Финляндии в годы Второй мировой войны не проводилось парламентских выборов, обе эти страны смогли в годы войны сохранить подконтрольность правительства парламенту, а после окончания войны они сразу же провели новые парламентские выборы, подтвердив приверженность демократическим ценностям. При этом Великобритания и Финляндия в годы Второй мировой войны официально находились в состоянии войны друг с другом, хотя боевых столкновений между ними и не велось. На основе предположения, что демократии не воюют друг с другом, была сформулирована теория либерального мира (иногда ее также называют теорией демократического мира [Buena de Mesquita 1999]), которая обосновывает необходимость демократическим правительствам заниматься продвижением демократии за рубежом ради мира и безопасности.

На момент начала финской оккупации значительная часть населения и Петрозаводска, и в целом Восточной Карелии являлась этническими

русскими. Так же как после завершения Зимней войны большинство финского населения было вынуждено покинуть земли, отошедшие по условиям Московского договора к Советскому Союзу, и перебраться в другие части Финляндии, теперь правительство Финляндии ожидало, что после окончания войны русское население Восточной Карелии воссоединится с основной массой русского населения на территориях, которые будут захвачены нацистской Германией. Сразу после захвата Петрозаводска финские власти обустроили на территории города несколько лагерей для перемещенных лиц, куда были согнаны русские жители Петрозаводска и окрестностей, вскоре их предполагалось переселить на территории, которые, как ожидалось, будут захвачены нацистской Германией.

Предполагалось, что война нацистской Германии против Советского Союза не продлится дольше нескольких месяцев и возможность переселения появится уже в 1942 году. Однако война нацистской Германии против Советского Союза затянулась на долгие четыре года, и переселение русского населения из Восточной Карелии было отложено. Одновременно на содержание узников в лагерях были выделены недостаточные средства, что привело к большой смертности в их среде [Усачева 2016]. Память о финских лагерях для перемещенных лиц в годы войны до сих пор сохраняется не только у коренных жителей Петрозаводска, но и в местной топонимике. Так, один из городских районов до сих пор носит неформальное название «Пятый поселок», по лагерю для перемещенных лиц № 5 (всего лагерей в одном только Петрозаводске было шесть), который находился в этой части города в годы войны. Такие лагеря были построены не только в Петрозаводске, но по всей Карелии; в 2020 году в деревне Ватнаволок Кондопожского района был открыт музей — копия такого лагеря.

Каллио был избран президентом в начале 1937 года, и, хотя он передал свой пост Рюти в 1940 году в связи с болезнью, новые президентские выборы должны были состояться в начале 1943 года — спустя шесть лет после избрания Каллио президентом. Однако в условиях продолжающейся войны организовать всенародное голосование для формирования нового состава коллегии выборщиков вновь не удалось, и для проведения выборов президента была созвана та же коллегия выборщиков, которая избрала Каллио президентом в 1937 году и которая избрала его преемником Рюти в 1940 году. Ожидаемо, коллегия выборщиков избрала Рюти президентом на второй срок. Хотя парламентских выборов в условиях войны не проводилось начиная с 1939 года, однако в связи с новым

президентским сроком Рюти правительство Рангелла ушло в отставку, и Рюти поручил сформировать новое правительство представителю Национальной коалиционной партии Э. Линкомиесу.

В ходе переговоров о формировании нового правительства Патриотическое народное движение объявило, что оно не будет участвовать и не поддержит правительство, в котором будут социал-демократы. Особенно сильным нападкам со стороны «патриотов» подверглись Таннер и Фагерхольм. Однако Линкомиес предпочел сотрудничество с социал-демократами сотрудничеству с «патриотами», и новое правительство составилось без участия последних, но с Таннером в роли министра финансов и Фагерхольмом в роли министра социальной защиты населения. Кроме того, прогерманские министр иностранных дел Виттинг и министр внутренних дел Хорелли были заменены на представителей Шведской народной партии Х. Рэмзи и Л. Эрнрута. Можно предположить, что, хотя Финляндия продолжала воевать на стороне нацистской Германии, в стране постепенно исчезала вера в победу последней. В конце 1943 года Фагерхольм выступил с речью, в которой раскритиковал преследования активистов норвежского сопротивления со стороны немецких оккупационных властей в Норвегии.

В ответ Германия пригрозила прекратить в Финляндию поставки как вооружений, так и товаров первой необходимости, Фагерхольм был отправлен в отставку, а Рюти пришлось извиняться перед руководством нацистской Германии. Однако среди германской элиты остались сомнения относительно надежности Финляндии как союзника, особенно в условиях, когда США (в отличие от Великобритании) не находились в состоянии войны с Финляндией; более того, США выступили с предложением о посредничестве в случае, если Финляндия захочет заключить перемирие с Советским Союзом и Великобританией. Германия потребовала от Финляндии заключения формального договора, который гарантировал бы, что Финляндия не будет искать сепаратного мира с СССР. М. Йокисипила [Jokisipilä 2004] пишет, что в финляндской элите не было единства мнений относительно заключения такого рода договора с нацистской Германией. Если Рюти выступал за заключение договора, то Маннергейм был резко против.

В результате Рюти написал напрямую Гитлеру письмо, которое вошло в финляндскую историографию под названием «пакта Рюти–Риббентропа», хотя формально это письмо не было международным договором. В письме Рюти обещал, что Финляндия ни при каких условиях не будет вести сепаратных переговоров о мире с Советским Союзом, если

германские поставки возобновятся. Это не было формальным договором, несмотря на то что на письме стояла подпись президента, поскольку международные договоры должны быть ратифицированы парламентом, однако для руководства нацистской Германии этого оказалось достаточно. Поставки были возобновлены, после чего Рюти ушел в отставку. Г. Лунде утверждает, что первым о своей отставке Рюти объявил Таннеру и Маннергейму [Lunde 2011: 314]. Новым президентом страны парламент избрал именно Маннергейма. Последний, и ранее выступавший против принятия Финляндией на себя подобных обязательств, почитал себя не связанным данным Рюти обещанием, и уже осенью Финляндия и СССР смогли заключить перемирие; при этом страна не была оккупирована советскими войсками.

Вместе с тем союзники по антигитлеровской коалиции сформировали Наблюдательную комиссию, чьей задачей стал контроль за соблюдением Финляндией условий перемирия. Комиссию возглавлял А. А. Жданов, в состав комиссии входил также британский представитель Ф. Шеферд, США не направили своих представителей для работы в комиссии. Угрожая оккупацией страны, комиссия потребовала от Финляндии немедленно приступить к разоружению находящихся на территории страны немецких войск, что вылилось в ожесточенные бои между недавними союзниками Финляндией и нацистской Германией, в ходе которых Финляндия понесла значительные потери среди мирного населения, в том числе почти полностью была сожжена столица финской Лапландии — город Рованиemi. Также комиссия потребовала суда над военными преступниками, и такой суд был проведен; наиболее суровое наказание — десять лет тюрьмы — получил бывший президент Рюти.

Президент Маннергейм, несмотря на то что занимал пост главнокомандующего в годы войны, не был осужден. Он оставался президентом вплоть до 1946 года, именно по его предложению в 1944–1946 годах премьер-министром был Паасикиви, который в 1946 году был избран президентом. Хотя к 1946 году Вторая мировая война уже закончилась, всенародного голосования для формирования коллегии выборщиков было решено не проводить, а избрать президента путем голосования в парламенте. При этом в 1945 году, сразу после окончания войны, были проведены выборы парламента, по результатам которых социал-демократы получили 50 депутатских мандатов, а просоветский Демократический союз народов Финляндии и Аграрный союз — по 49 мандатов. Национальная коалиционная партия получила 28 мандатов, Шведская народная партия — 14, а Национальная прогрессивная партия — всего 9.

Несмотря на то что Национальная коалиционная партия имела в парламенте лишь 14 % мандатов, ее представитель, премьер-министр Паасикиви был избран президентом.

Заключение

Основным достижением финляндской модернизации в 1920–1930-х годах стала консолидация демократических институтов. Финляндии не пришлось создавать политические институты с чистого листа, но демократические институты сформировались путем трансформации, причем незначительной, тех политических институтов, которые работали еще в имперский период. Тогда в Финляндии существовал орган представительной власти — сначала сейм, депутаты которого заседали в четырех отдельных палатах, предназначенных для представителей каждого из четырех сословий, а затем, с 1907 года, — однопалатный парламент — Эдускунта. Однако решения парламента вступали в силу лишь после утверждения их императором, с 1917 года решения начали вступать в силу после утверждения главой финляндского государства. Важно, что до 1907 года сейм не был постоянно действующим органом власти, но собирался раз в три года и значительную часть времени тратил на обсуждение и утверждение решений, которые были ранее не только приняты, но и претворены в жизнь органами исполнительной власти.

После того как парламент стал постоянно действующим органом власти, он не получил в одночасье возможность оказывать существенное влияние на действия органов исполнительной власти. Важнейшие решения принимались органами исполнительной власти, а парламенту отводилась лишь роль органа, который одобрял бы или (крайне редко) не одобрял их. Однако тот факт, что в 1920-х, 1930-х и даже в годы войн первой половины 1940-х годов парламент продолжал действовать в неизменном виде, способствовал увеличению его роли и росту доверия граждан к этому институту. В двух случаях за исследуемый период: в 1919 году, когда президентом страны стал Стольберг, и в 1944 году, когда президентом стал Маннергейм, — глава государства был избран парламентом, что также способствовало росту авторитета этого органа власти.

После 1917 года экономическая комиссия финляндского сената, исполнявшая функции правительства в имперский период, превратилась в правительство Финляндской Республики, а правовая комиссия сената

превратилась в Верховный суд. При этом существенных изменений ни в системе органов исполнительной власти, ни в судебной системе не произошло. Основным изменением стало то, что если до 1917 года решение любой из комиссий сената вступало в силу только после утверждения его представителем российского императора — генерал-губернатора, то после 1917 года финны получили возможность самостоятельного принятия важнейших решений. В случае правительства сформировалась система, характерная и для Скандинавских стран, в которой кабинет министров обсуждает проекты решений, однако эти решения принимаются на заседаниях Государственного совета — того же кабинета министров, но заседающего не под председательством премьер-министра, а под председательством президента (в Скандинавских странах на заседаниях Государственного совета председательствует король).

Консолидации финляндской демократии способствовал тот факт, что ни один президент страны с момента принятия республиканской формы правления и вплоть до окончания Второй мировой войны не занимал этот пост дольше шести лет. Президент Стольберг отказался в 1925 году выдвинуть свою кандидатуру на второй срок; в дальнейшем он участвовал в президентских выборах, но никогда не побеждал. Президент Реландер к концу своего первого президентского срока поссорился с собственной политической партией, которая отказалась поддержать его выдвижение на новый президентский срок. Президент Свинхувуд довольно скептически относился к эффективности демократического правительства, однако волей судьбы ему пришлось предотвращать попытку государственного переворота, вдохновленного фашистским режимом в Италии, а не возглавить такой переворот. Президент Каллио умер до формального окончания своего президентского срока, успев, впрочем, передать власть преемнику.

Президент Рюти формально избирался президентом дважды. При чем оба раза — одним и тем же составом коллегии выборщиков, поскольку провести в условиях Второй мировой войны всенародное голосование с целью формирования коллегии выборщиков, как велит закон, было невозможно. Оба президентских срока Рюти оказались короче шести лет, и в общей сложности он провел во главе финляндского государства лишь четыре года. Наконец, президент Маннергейм был избран ради вывода Финляндии из войны. Как только страна вышла из войны, в ней прошли парламентские выборы и появилась возможность избрать нового президента новым составом парламента, президент Маннергейм ушел в отставку, уступив место главы государства Паасикиви. Каждый

из финляндских президентов 1920–1930-х годов внес существенный вклад в консолидацию финляндской демократии, в ее защиту от многочисленных угроз.

Финляндской демократии в 1920–1930-х годах угрожали как изнутри, так и извне. В качестве внешней угрозы выступали, с одной стороны, Советский Союз, а с другой стороны — нацистская Германия. Хотя гипотетически можно говорить и о существовании угрозы со стороны Великобритании и Франции, эту угрозу можно счесть несущественной. Изнутри Финляндии угрожали, с одной стороны, крайне левые партии и движения, которые, впрочем, были тесно связаны с коммунистами, в том числе финскими, проживавшими в Советском Союзе, а с другой стороны — крайне правые партии и движения; среди последних наибольшую известность получило Лапуаское движение. Предотвратить угрозу со стороны последнего удалось благодаря включению значительной части их требований в программу правительства под руководством Свинхувуда и его способности привлечь армию на сторону демократического правительства, несмотря на высокую популярность Лапуаского движения среди военных.

Предотвратить угрозу слева удалось путем превращения Социал-демократической партии в «системную партию» в современной российской терминологии. С одной стороны, финляндские социал-демократы в указанный период продемонстрировали готовность взаимодействовать с другими партиями в процессе принятия решений, включая ответственность за последствия этих решений. С другой стороны, финляндские социал-демократы продемонстрировали также способность защищать интересы своих избирателей при принятии политических решений, благодаря чему они не только не уменьшили свою популярность за 1920–1930-е годы, но и сумели расположить к себе часть социальной базы крайне левых партий и движений. Несмотря на то что после 1945 года крайне левые партии и движения были в Финляндии легализованы и начали участвовать в выборах в составе Демократического союза народов Финляндии, социал-демократы остались одной из трех наиболее значимых сил в финляндской политике и после 1945 года.

Двумя другими значимыми силами в Финляндской политике стали Аграрный союз, трансформировавшийся в процессе урбанизации Финляндии в Центристскую партию, а также Национальная коалиционная партия, стоявшая в 1920-х и особенно в 1930-х годах на крайне правых позициях, но, в отличие от Лапуаского движения, сохранившая приверженность демократии. Однако ни одна из трех политических сил не

смогла обеспечить себе абсолютное большинство депутатских мандатов ни в одном составе парламента. Хотя примерно половина всех кабинетов министров, работавших в Финляндии в указанный период, были правительствами меньшинства, благодаря второй половине кабинетов среди политической элиты и простых граждан Финляндии сформировалась убежденность, что стабильное правительство является результатом компромисса между двумя из трех значимых политических сил. Традиция формировать правительство на основе «широкой коалиции» политических партий способствовала консолидации демократии в стране и в дальнейшем.

Литература

Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: восточная политика Финляндии в 1930-е гг. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997.

Васара В. Т. Была ли угроза крайне правого переворота в Финляндии настоящей в 1927 г.? // Труды кафедры новой и новейшей истории. 2012. № 8. С. 58–70.

Власов Л. В. Междоусобная война в Финляндии на фоне революционных событий 1918 года. СПб.: Европейский дом, 2009.

Килин Ю. М. Карельское восстание 1921–1922 гг. и его последствия в свете новых архивных данных // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв.: специфика границы. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 88–102.

Лайдинен А.П. Торпарская система аренды земли в Финляндии (XVII – 1-я половина XIX в.). Ленинград: Наука, 1987.

Ланко Д. А. «Страна богатых и образованных»: образование как фактор финского экономического чуда. (Препринт М-62/18; Центр исследований модернизации ЕУСПб.) СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/M_center/M_62_18.pdf

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблемы независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002.

Родин Д. В. Веймарская Республика и «Северное Локарно» Рафаэля Эриха // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 5. С. 54–69.

Рупасов А. И. Лапуаское движение и советско-финляндские отношения (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2(18). С. 123–140.

Усачева Е. В. Установление финского оккупационного режима на территории Карело-Финской АССР и организация мест принудительного содержания для гражданского населения // Курский военно-исторический сборник. Курск: Университетская книга, 2016. С. 121–126.

Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии (1809–1995). М.: Весь мир, 1998.

Alapuro R. State and Revolution in Finland. Leiden & Boston: Brill, 2019.

Andersson H. Illegal entrepreneurs: A comparative study of the liquor trade in Stockholm and New Orleans 1920–1940 // Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention. 2003. Vol. 3. N 2. P. 114–134.

Arter D. Politics and Policy-Making in Finland. New York: St. Martin's Press, 1987.

Bueno de Mesquita B. An Institutional Explanation of the Democratic Peace // American Political Science Review. 1999. Vol. 93. N 4 (December). P. 791–907.

Eloranta J. Weak Trade, European States in the International Arms 1920–1937: The Impact of External Threats, Market Forces, and Domestic Constraints // Scandinavian Economic History Review. 2002. Vol. 50. N 1. P. 44–57.

Eloranta J. Rent seeking and collusion in the military allocation decisions of Finland, Sweden, and Great Britain, 1920–38 // Economic History Review. 2009. Vol. 62. N 1. P. 23–44.

Eloranta J., Nummela I. Finnish Nickel as a Strategic Metal, 1920–1944 // Scandinavian Journal of History. 2007. Vol. 32. N 4. P. 322–345.

Gerard C. The Foreign Office and Finland, 1938–1940: Diplomatic Sideshow. London & New York: Frank Cass, 2005.

Haggard S., Kaufman R. R. The Political Economic of Democratic Transitions. Princeton: Princeton University Press, 1995.

Hannula J. O. Suomen vapaussodan historia. Porvoo: Wsoy, 1938.

Joas H. The Modernity of War: Modernization Theory and the Problem of Violence // International Sociology. 1999. Vol. 14. N 4. P. 457–472.

Jokisipilä M. Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Hitlerin Saksan liittosopimusvaatimukset ja Rytin-Ribbetropin sopimus. Helsinki: SKS, 2004.

Kaukiainen L. From Reluctancy to Activity: Finland's Way to the Nordic Family during 1920s and 1930s // Scandinavian Journal of History. 1984. Vol. 9. N 2–3. P. 201–219.

Kennedy D. M. Over Here: The First World War and American Society. New York: Oxford University Press, 1980 (2nd ed. — New York: Oxford University Press, 2004).

Lavery J. E. The History of Finland. Westport: Greenwood, 2006.

Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *American Political Science Review*. 1959. Vol. 53. N 1 (March). P. 69–105.

Lunde H.O. Finland's War of Choice: The Troubled German-Finnish Coalition in WWII. Philadelphia & Newbury: Casemate, 2011.

Organski A. F. K., Kugler J. The War Ledger. Chicago and London: Chicago University Press, 1980.

Pohjola M. Suomen talouskasvu ja sen lähteet, 1860–2015 // *Kansantaloudellinen aikakauskirja*. 2017. Vol. 113. N 3. S. 266–292.

Rasila V. Kansalaissodan sosiaalinen tausta. Helsinki: Tammi, 1968.

Rupasov A. I. Soviet Export of Forest in the Late 1920s — Early 1930s and Competition on European Market // *Modern History of Russia*. 2018. Vol. 8. N 1. P. 82–98.

Salojärvi J. M. Human Rights Redefining Legal Thought: The History of Human Rights Discourse in Finnish Legal Scholarship. Cham: Springer Nature, 2020.

Stadius P. Petsamo: Bringing Modernity to Finland's Arctic Ocean Shore, 1920–1939 // *Acta Borealis*. 2016. Vol 33. N 2. P. 140–165.

Thies C. G., Sobek D. War, Economic Development, and Political Development in the Contemporary International System // *International Studies Quarterly*. 2010. Vol. 54. N 1 (March). P. 267–287.

Vehviläinen O. Finland in the Second World War: Between Germany and Russia / transl. by G. McAlester. Basingstoke & New York: Palgrave, 2002.

Дмитрий Ланко

**Модернизация в эпоху модерна:
развитие Финляндии в 1920–1930-е годы**

Препринт М-80/20

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 14.12.20.

Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.

